

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-436-444

Читая Выготского и Бахтина вместе

Аугусто Понцио, университет Бари, Италия

Перевод с итал. Н.Н. Тинус, А.Р.Третьяк

(Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febraio 1982. pp. 111–119).

Аннотация. В этом докладе Понцио исследует теоретические и методологические сходства между учением Выготского с одной стороны, идеями Бахтина и его круга с другой. Привлекается внимание к общему идеологическому и культурному контексту их творчества, общим влияниям, таким как русский формализм, от которого оба полемически отталкивались. Автор подчеркивает совпадение взглядов на природу человека, ее историко-социальную основу и специфически орудийный, еще точнее – знаковый характер. Это совпадение обуславливает и общую широту дисциплинарных интересов у Выготского и Бахтина – раз знаковая реальность выступает средством формирования индивидуального сознания, то изучение искусства, литературы, самого языка оказывается необходимым средством исследования этого сознания.

Ключевые слова: Выготский, Бахтин, Волошинов, русский формализм, советская наука, итальянский марксизм, Аугусто Понцио

Для цитирования: Понцио А. 2022. Читая Выготского и Бахтина вместе. Перевод с итал. Н.Н. Тинус, А.Р. Третьяк. (Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febraio 1982. pp. 111–119). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(3): 436–444. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-436-444

Reading Vygotsky and Bakhtin Together

Augusto Ponzio, University of Bari, Italy

Translated from Italian. N.N. Tinus, A.R. Tretiak

(Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febraio 1982. pp. 111–119).

Abstract. In this report, Ponzio explores the theoretical and methodological similarities between the teachings of Vygotsky on the one hand, and the ideas of Bakhtin and his circle on the other. Attention is drawn to the general ideological and cultural context of their work, common influences, such as Russian formalism, from which both polemically repelled. The author emphasizes the coincidence of views on human nature, its historical and social basis and specifically instrumental, even more precisely, symbolic character. This coincidence also determines the general breadth of Vygotsky and Bakhtin's disciplinary interests – since iconic reality acts as a means of forming individual consciousness, then the study of art, literature, and language itself turns out to be a necessary means of exploring this consciousness.

Key words: Vygotsky, Bakhtin, Voloshinov, Russian formalism, Soviet science, Italian marxism

For citation: Ponzio A. 2022. Reading Vygotsky and Bakhtin Together. Translated from Italian. N.N. Tinus, A.R. Tretiak. ((Ponzio A. Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin // Corrisponden za Internazionale, Periodico di documentazione storica, culturale e sociale, Anno VII. NN° 20/22. Luglio 1981/Febraio 1982. pp. 111–119). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(3): 436–444 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-436-444

В 1929 в Ленинграде вышла книга М. Бахтина «Марксизм и философия языка» (издана под именем В.Н. Волошинова)¹, которую можно считать первой русской работой, прямо и систематично затрагивающей проблемы общей семиотики. Многие из идей, содержащихся в этой работе, имеют по определяющим, важным пунктам точки соприкосновения с концепциями Л.С. Выготского, в которых к тому же, как известно, понятие знака не только является объектом внимания, но еще играет немаловажную роль в общем подходе к психологическим исследованиям вплоть до того, что в истории советской семиотики было бы серьезным упущением обойти вниманием имя Л.С. Выготского. Но не только эта единственная работа Бахтина позволяет установить сходство — в отношении подхода, используемых методов и категорий, а также открытых или заново определенных тематических областей — с исследованиями Выготского. Сходство касается самого процесса исследований и изысканий этих двух авторов — оно как таковое не может быть случайным или фактом субъективного свойства, а имеет значение, которое выходит за чисто биографические рамки и оказывается признаком объективной общественно-исторической ситуации, задававшей культурное развитие СССР в годы после революции и до торжества сталинизма.

Чтобы подчеркнуть общую культурную, идеологическую основу, из которой истекает вклад Выготского и Бахтина в областях от психологии и философии языка до семиотики и теории литературы, необходимо обратиться в первую очередь (поскольку это авторы, движущиеся в русле марксизма) к толчку развития марксизма в различных областях научных исследований в Советском Союзе, в 1920-е годы. Этот импульс, также отразившийся в статье Ленина «О значении воинствующего материализма» 1922 года, выразился и в области гуманитарных наук, которые нас здесь интересуют особенно, то есть в психологии, теории литературы, философии языка и т.д. Впрочем, это объединяет не только таких авторов, как Выготский и Бахтин, но и таких, как Корнилов в отношении психологии, Марр в отношении теории языка, а в отношении теории литературы — ревнителей марксистско-ленинской ортодоксии вроде П. Когана и В. Полянского, которые во имя марксизма выступали против ОПОЯЗа [см. Erlich 1966: 111–12]. То, что ставит Выготского (вместе с Лурией и Леонтьевым) и Бахтина (вместе с Волошиновым и Медведевым: «Ленинградский кружок») на одну сторону и отличает их от других марксистски ориентированных авторов, занятых теми же областями исследований, заключается прежде всего: а) в ясном понимании, из которого оба исходят, неполноценности марксизма по части изучения сознания и отдельных идеологических форм, таких как искусство и язык; б) в ориентации своих исследований на определение *специфики* изучаемого объекта за рамками общих схем, поверхностного использования таких категорий, как «базис», «надстройка», «класс» и последующей механистической интерпретации сознания, языка и идеологии. С другой стороны, напротив, оказываются все эти Корниловы, Коганы, Марры и, говоря о естествознании, Лысенко, а также сам Сталин, и не только в плане его вмешательства в языкознание — подумайте, между прочим, о «Диалектическом и историческом материализме», в котором история человечества сводится к неизбежной и прямолинейной последовательности пяти стадий, соответствующих «пяти основным типам производственных отношений» [Stalin, 1973, pp. 935–36]. Сюда же относятся и все те, кто верит, что может «применить» марксизм к науке, прибегая к редуцированным и общим схемам, к упрощающим формулам, вроде таких, которые просто ограничиваются утверждением надстроечного или классового характера языка, науки, литературы и т.д.

¹ В 70–80-х, с подачи В. Иванова, авторство многих работ Волошинова и Медведева часто приписывалось Бахтину. Сегодня исследователи склоняются к тому, что следует говорить о «круге Бахтина», где эти работы рождались как продукт интеллектуального обмена совместно. Здесь и далее курсив авторский. — *Прим. пер.*

Понимание необходимости выработать в перспективе марксизма лингвистическую теорию, теорию искусства и литературы, психологию, которая выходила бы за рамки поспешного решения вопроса о языке, сознании, искусстве и т.д. через обращение к их «определению» надстройки и фактически начатая в этом направлении работа была задумана подъёмом сталинизма. О судьбе начатых Выготским исследований в области психологии и педагогики в сталинский период см. [Месасси, 1976] (Введение). «*Марксизм и философия языка*» была забыта до самого последнего времени. Бахтин был вынужден более тридцати лет почти полностью молчать. Однако в области науки о языке утвердилась теория Н.Я. Марра, тоже умершего в 1934 году, как и Выготский, но – в отличие от последнего, публичное замалчивание произведений которого, начавшееся в середине тридцатых, было нарушено только около 1956 года – стал официальным и неоспоримым авторитетом марксистской концепции языка (даже в аспектах, связанных с психологией и которые, как, например, вопрос об отношении между мышлением и речью, широко разрабатывались Выготским). Господство теории Марра продолжалось, как известно, до 1949–1950 гг., пока, особенно со статьями Сталина в «*Правде*» 1950 года, "старый аракчеевский режим" (как говорит сам Сталин) в области исследований языка не сменился на другой, ничем не отличающийся, в котором догматическая апелляция к авторитету, на этот раз к авторитету самого Сталина, как это уже произошло с другими общественными науками, оставалась основным критерием истины.

Если рассматривать, с одной стороны, книги Волошинова «*Фрейдизм*» (1927), «*Марксизм и философия языка*» (1929), Медведева, «*Формальный метод в литературоведении*» (1928) (все в значительной степени принадлежащие Бахтину: см. [Ivanov, 1977, p. 523, nota 201]) и Бахтина «*Проблемы творчества Достоевского*» (1929), а с другой – работы Выготского «*Психология искусства*» (написана между 1915 и 1922), «*Сознание как проблема психологии поведения*» (1925), «*Педагогическая психология*» (1926), «*История развития высших психических функций*» (1930–1931), «*Орудие и знак в развитии ребенка*» (1930, рукопись), «*Психика, сознание, бессознательное*» (1930) «*Мышление и речь*» (1934), мы сразу же замечаем, уже из заголовков, общие темы и, что для нас здесь особо интересно, общий интерес к проблемам разных дисциплинарных отраслей: психологии, искусствознания и литературоведения, философии языка, семиотики.

В работе «*Фрейдизм*», где проблематика словесного знака, позднее развитая в «*Марксизме и философии языка*», уже занимает видное место и где вдобавок дискуссия вокруг фрейдизма включается в более широкую полемику, которая велась в те годы в СССР между «субъективной психологией» и «объективной психологией», автор прямо обращается к цитируемому эссе Выготского 1925 года [см. Volosinov, 1977, p. 193, nota 8]. Утверждение необходимости материалистически-диалектического подхода в психологии, направленного на постижение специфического историко-социального характера фундаментальных процессов феномена «словесной реакции» и противопоставление этого подхода редукции к физиологистскому объяснению, пренебрегающему социологическую компонентой «словесной реакции», связано с идеями, выраженными Выготским в работе «*Сознание как проблема психологии поведения*». Подобно Выготскому, Бахтин осознавал, что «первая и основная задача» (как выразились Лурия и Леонтьев в отношении советской психологии 1921–1927 годов) «состояла в том, чтобы отбросить, с одной стороны, вульгарный бихевиоризм, а с другой стороны, представление о психических явлениях как о чисто субъективных состояниях, исследование которых доступно только интроспекции» [Leontjev, Lurija, 1973]. Такую же задачу, очевидно, нужно было решать и в области изучения идеологий, вербального языка и человеческих знаков в целом.

Вопросы соотношения между индивидуальным и социальным, между базисом и надстройкой, между сознанием и общественной идеологией, между знаком и идеологией,

между индивидуальной психикой и социальной психологией выходят за рамки дисциплинарных полей и становятся отправными точками для решения конкретных проблем, таких как определение «своеобразия искусства» [Vygotskij, 1972b, p. 34] и его особенностей в сравнении с другими идеологическими формами, своеобразия литературного факта (Медведев, 1928), специфики индивидуальной психики (Выготский, 1925), словесного знака (Волошинов, 1929). И первая часть «Психологии искусства» Выготского, и первая часть «Марксизма и философии языка», и «Формальный метод в литературоведении» обращаются к фундаментальным вопросам такого рода, особенно в связи с общей теорией идеологий, указывая на опосредованный характер отношения «базис – надстройка», исследуя промежуточные механизмы, условия опосредования, утверждая, что такой характеристики, как «надстройка», недостаточно для определения специфики конкретного идеологического феномена и выступая против сведения социальной психической жизни к чему-то вторичному, вытекающему из индивидуального (принятого как безусловное допущение). В сравнении с мнимой «марксистской лингвистикой» Н.Я. Марра, размышления Бахтина и Выготского о проблеме знака и языка обнаруживают тот же фундамент, те же теоретические положения, на которые они ссылаются и с которыми себя соизмеряют, а элементы различий отражены, безусловно, в «системно-функциональном» подходе в их рассмотрении отношений между мыслью и языком [см. Ferrario, 1977, pp. 133–134, 203], в отличие от «генетического» рассмотрения языка Марром. Но сказанное не исключает наличия генетического подхода у Выготского и у Бахтина. Это следует не только из общей ориентации их исследований, но и из отдельных штудий: вспомните только о том, что волнует Бахтина в «Из предыстории романного слова» и, касательно Выготского, в главе IV «Мышления и речи» под названием «Генетические корни мышления и речи».

Выготский начинает с проблем критики, теории литературы, «психологии искусства»: это психология, что противопоставляет себя эмпирически-субъективистской психологии и всякой имплицитной или эксплицитной форме психологизма. Влияние формальной школы прослеживается в самой позиции по отношению к психологизму и в значимости, придаваемой определению специфики художественного и литературного факта, в частности, хотя и с оговорками и критикой, выраженной Выготским в его анализе формального метода – это видно уже из того, что пишет Выготский во введении к «Психологии искусства»: «Центральной идеей психологии искусства мы считаем признание преодоления материала художественной формой или, что то же, признание искусства *общественной техникой чувства*. Методом исследования этой проблемы мы считаем объективно аналитический метод, исходящий из анализа искусства, чтобы прийти к психологическому синтезу, – метод анализа художественных систем раздражителей. Вместе с Геннекеном мы смотрим на художественное произведение как на «совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции», и пытаемся на основании анализа этих знаков воссоздать соответствующие им эмоции. Но отличие нашего метода от эстопсихологического состоит в том, что мы не интерпретируем эти знаки как проявление душевной организации автора или его читателей. Мы не заключаем от искусства к психологии автора или его читателей, так как знаем, что этого *сделать на основании толкования знаков нельзя*. Мы пытаемся изучать чистую и безличную психологию искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства» [Vygotskij, 1972b, p. 23].

Работы формальной школы со всей ее философско-лингвистической подоплекой (А. Потебня, Бодуэн де Куртенэ, Соссюр, Гуссерль, Шпет и др.) вкупе с марксистской ориентацией – одного этого было бы недостаточно для объяснения тематических и методологических сходств между работами Выготского и Бахтина – составляют общую основу как психологии искусства Выготского и бахтинской теории литературы, так и «пролего-

менов к семиотике» (Матейка), намеченных в «Марксизме и философии языка» (см. прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 105]), а также теории Выготского об управлении человеческим поведением посредством знаков, предвосхитившей, как говорит Иванов, современные представления о роли семиотических систем в человеческой культуре (прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 25]). Таким образом, как указывает Матейка, влияние Л.П. Якубинского – одного из крупнейших представителей формальной школы, занимавшегося в том числе проблемой диалога и выражения, – не чуждо исследованиям *внутренней речи* Выготского и Бахтина, потому как оба считают изучение диалога основой адекватного к ней подхода. Точно так же, как Якубинский показал неполноценность лингвистических категорий, когда они применяются к вербальному взаимодействию диалога вместо отдельных монологических предложений, так и Волошинов (1927 и 1929), и Выготский считают неприменимыми к анализу внутренней речи категории, разработанные лингвистикой (см. [Volosinov, 1976, p. 29], [Vygotskij, 1966, pp. 220–21] и [Mateyka, 1977, pp. 153–55]).

Не случайно, когда в 1924 году Выготский перешел от проблематики психологии искусства к решению фундаментальных проблем психологии, он особо занялся исследованием функции знаков в регуляции поведения человека, потому что такое исследование как раз является «непосредственным продолжением эстетической концепции, изложенной в “Психологии искусства”» (прим. Иванова в [Vygotskij, 1972b, p. 365]). Что касается Бахтина, в таких же отношениях состоят «Формальный метод» с «Марксизмом и философией языка».

Та же полемика между психологизмом и антипсихологизмом, затрагивающая так называемый формальный метод, и в которой располагались позиции, выраженные Бахтиным и Выготским соответственно в «Формальном методе» и «Психологии искусства», уже в самом своем истоке подразумевала проблематику знака, функции, значения. Решающим фактором в принятии формалистами антипсихологической позиции было влияние Эдмунда Гуссерля, особенно благодаря работе его русского ученика Густава Шпета; и благодаря этому влиянию также был воспринят гуссерлианский интерес к проблемам семиотического порядка. «В то время как Бодуэн де Куртенэ и его последователи, – пишет Эрлих, – не чурались описания языковых явлений с учетом их психологического происхождения, гуссерлианцы были убежденными и последовательными противниками психологии». А несколькими строками ранее: «Гуссерль подходил к вопросам языка как логик, точнее, как семасиолог. Говоря словами одного из его русских приверженцев (Г. Шпет), он видел в языке «центральную знаковую систему, естественный и наиболее близкий для нас прототип и репрезентант всякого выражения, прикрывающего собою значение» [Erlich, 1966, pp. 64–65].

И Бахтин, и Выготский выделяют наивную психологию, которая лежит в основе формального метода, несмотря на его антипсихологическое позиционирование [см. Medvedev, 1978; Vygotskij, 1972b, 81–107]; и оба приходят к утверждению объективного и общественно-исторического характера всякого собственно человеческого продуктивного проявления, особенно в той части особой реальности, которая является сферой знаков, вербальных и невербальных.

Плехановская формула, согласно которой «психический контекст общественного человека» выступает опосредующим (*intermediario*) механизмом между экономическими отношениями и идеологиями, приобретает новое значение, когда мы рассматриваем, как это делают Бахтин и Выготский, функцию знаков в этом механизме; новый смысл, который положит конец колебанию этой формулы между наивным материализмом (с вытекающим отсюда окостенением и гипостазированием категорий «базиса» и «надстройки») и идеалистической, не менее гипостазирующей концепцией «психологии эпохи, общей для

всех идеологий» (Плеханов)¹. Переходное звено в диалектике между базисом и надстройкой обнаруживается в знаке и, в частности, в словесном знаке, составляющем материал, из которого состоят все общественные отношения на любом уровне, от трудовых отношений до отношений на художественно-литературном уровне. Этот материал также устанавливает взаимосвязь между уровнем институционализированных, доминирующих идеологий и уровнем неофициальных или пока еще развивающихся идеологий. «Общественная психология», которую Плеханов назначает связующим звеном между базисом и надстройкой, есть, замечает Бахтин, в своем материальном существовании знаковое и словесное взаимодействие; «Взятая вне этого реального процесса речевого (вообще знакового) общения и взаимодействия, общественная психология превратилась бы в метафизическое или мифическое понятие («коллективная душа» или «коллективная внутренняя психика, «дух народа и т.п.») [Volosinov, 1976, p. 74]. Какими бы ни были различия между разными областями идеологии (например, между художественным образом, религиозным символом, научной формулой, правовой нормой и т. д.), а также различия, которые показывают идеологии даже в пределах одной и той же области, в отношении их социальной функции и способа преломления действительности возможность определения и анализа идеологии в целом задается знаковым характером всех идеологических явлений» [Volosinov, 1976, p. 59]. В этой перспективе вы переворачиваете взаимосвязь, которую вы формируете когда верите, что можно справиться с лингвистическими и в целом семиотическими проблемами посредством понятий «базис» и «надстройка» (Март, Сталин), как если бы отношения между базисом и надстройкой могли бы быть определены в плоскости познания независимо от проблематики знака и словесного языка: напротив, именно через определение специфических знаковых функций можно понять диалектику отношения между базисом и надстройкой, преодолевая их механистическое видение.

«Психология данной эпохи», которая, по Плеханову, служит промежуточным звеном между экономическими отношениями и идеологиями, есть, утверждает Выготский, психическая жизнь индивида, социальная и социально обусловленная [Vygotskij, 1972, pp. 32–36]. Именно поэтому в отличие от социальной психологии², которая расценивает социальность как нечто вторичное, как сумму, как результат поведения абстрактно понимаемых индивидов, рассматриваемых вне их реальных историко-социальных условий, марксистская социальная психология принимает психику индивида в качестве своего объекта. Не признавать, как это делает Челпанов, что именно индивидуальная психика есть предмет марксистской психологии, значит, замечает Выготский, занимать позицию, прямо обратную марксистскому пониманию человеческого индивидуума не только как аристотелевского *zoon politikon*, но и как «общественного животного», которое «только в обществе и может обособляться» (Marx, *Grundrisse*).

«В самом деле, раз мы отрицаем существование народной души, народного духа и т. п., то как можем мы отличить общественную психологию от личной. Именно психология отдельного человека, то, что у него есть в голове, это и есть психика, которую изучает социальная психология. Никакой другой психики нет. Все другое есть или метафизика, или идеология» [Vygotskij, 1972 p. 36].

Если психический контекст интерпретировать как «промежуточный механизм», как «корень» идеологий, то тогда его нельзя смешивать, говорит Выготский, с самими идеологиями, упуская из виду различие, отделяющее идеологию от психологической реальности и принимая тот же самый вектор социальной психологии, или психологии народов,

¹ Речь идет о «монистической формуле» Плеханова, подразумевающей, что «все идеологии имеют один общий корень: психологию данной эпохи». См.: Плеханов Г.В. Основные вопросы марксизма. В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., Политиздат. 1956. Т. 1. С. 180. – *Прим. пер.*

² Имеется в виду немарксистская социальная психология, вроде психологии В. Вундта. – *Прим. пер.*

как ее понимал Вундт. Таким же образом Шпет в «Объекте и задачах этнической психологии» (1917)¹ провел критику вундтовской *Volkerpsychologie* – критику, которую Бахтин [Volosinov, 1976, p. 270, nota 16] воспринял положительно. Психология Выготского не занимается сгустками, кристаллизациями идеологии. «Задача же психологии заключается в том, чтобы изучить самый раствор, самое общественную психику, а не идеологию» [Vygotskij, 1972, p. 35]. Поставив перед психологией задачу проникновения в «социальную лабораторию, в которой образуются и формируются идеологии», как выражается Бахтин [Medvedev, p. 80], не только можно выявить точку соприкосновения психологии и искусствоведения, психологии и литературоведения, но и подчеркнуть важность и смысл психологии искусства, поскольку именно из этой «лаборатории», из этого «раствора» искусство черпает свой материал; «художник», говорит Бахтин, «слышит идеологии *in statu nascendi*, он участвует в их становлении, он чувствует их брожение в недрах так называемой “общественной психологии”» [Medvedev, p. 81]. Впрочем, таким же образом формируются предпосылки и для сближения между изучением психической жизни и изучением знаков.

И Бахтин, и Выготский обнаруживают специфику психических функций человека в их опосредованном характере; опосредуют – орудия, создаваемые и применяемые внутри конкретных социальных форм, среди которых также следует учитывать орудия, создаваемые в соответствии с нуждами социальной коммуникации: знаки и прежде всего словесный язык. Орудие как средство труда «служит проводником воздействий человека на объект его деятельности, оно направлено вовне, оно должно вызвать те или иные изменения в объекте, оно есть средство внешней деятельности человека, направленной на покорение природы» [Vygotskij, 1974, p. 137]. Знак как средство социальной коммуникации «ничего не изменяет в объекте психологической операции, он есть средство психологического воздействия на поведение – чужое или свое, средство внутренней деятельности, направленной на овладение самим человеком; знак направлен внутрь» [Vygotskij, 1974, p. 137]. Как показано и во «Фрейдизме», и в «Марксизме и философии языка», формирование индивидуального сознания происходит через процесс «загнания вовнутрь» знаков, используемых вовне в социальном общении и составляющих конкретную культурную систему. Знаки, особенно словесный язык, являются не только орудиями сообщения значений, готовых индивидуальных переживаний, но и орудиями означивания, конституирования личных переживаний, ментальных, внутренних процессов, которые также являются социальными, как и используемые ими знаки. Лурия пишет, ссылаясь на ранние исследования Выготского и его коллег (в том числе и на себя самого): «Если использование орудий давало возможность овладеть внешним материальным миром, то использование знаков позволяло человеку управлять собственными психологическими процессами. Внося изменения в среду и подчиняясь этим изменениям, человек заново строит свою сознательную деятельность. Подчиняясь объективным законам рефлекторной деятельности, человек делается их хозяином. Вот почему ранние исследования Выготского и его сотрудников были направлены на изучение того, как с помощью внешних средств или знаков человек может организовать активное запоминание, произвольно направить своё внимание, управлять своим поведением» [Lurija, 1974, p. 70].

Уже во введении к «Марксизму и философии языка» Бахтин, ссылаясь на книгу И. Презента «Происхождение речи и мышления» («Прибой», 1928), заявляет о своей позиции против редукции знака, в частности словесного знака, к простому сигналу в рефлексологическом понимании [Volosinov, 1976, p. 53]. Развивая уже высказанные идеи о феномене словесной реакции во «Фрейдизме» (которые, как мы уже видели, прямо связаны с сочинением Выготского 1925 года «Сознание как проблема психологии поведения», докладом, прочитанным на II съезде по психоневрологии в Ленинграде в 1924 г.), Бахтин

¹ На самом деле имеется ввиду «Введение в этническую психологию» Г. Шпета 1927 г. – *Прим. пер.*

в «Марксизме и философии языка» отличает знак от сигнала: «Все основные, существенные в жизни человека поступки, – пишет Бахтин во «Фрейдизме», – вызываются социальными раздражителями в условиях социальной среды. Если мы знаем только физический компонент раздражителя и только отвлеченно физиологический компонент реакции, мы еще очень немного поймем в поступке человека» [Volosinov, 1977, p. 71].

Словесные реакции нельзя изучать исключительно физиологическим путем: они являются «специфически социальным проявлением человеческого организма» [Volosinov, 1977, p. 71]. В «Марксизме и философии языка» подчеркивается несводимость социальных знаков к сигналам, которыми занята рефлексология: «Только печальное недоразумение и неискоренимые навыки механического мышления были причиной того, что эти «сигналы» пытались сделать чуть ли не ключом к пониманию языка и человеческой психики (внутреннего слова)» [Volosinov, 1976, p. 134].

Аналогии с выготскианской концепцией знака очевидны. Здесь мы также находим различие между знаком и сигналом, между сигнификацией и сигнализированием, между пониманием языка и простым реагированием в соответствии со звуковыми сигналами. Сводя человеческое поведение и социальное общение к схеме условного рефлекса, как это делают рефлексологи, – говорит Выготский, – мы получим исключительно натуралистическое объяснение, которое, не в силах объяснить социальную природу человека, не может даже объяснить эти конкретно историко-социальные формы поведения, такие как сознание, язык и т.д. [см. Vygotskij, 1974, pp. 125-33].

Список литературы

- Иванов В. 1976. Очерки по истории семиотики в СССР. М., Наука. 304 с.
- Bachtin M. 1968. *Dostoevskij. Poetica e stilistica*. Torino: Einaudi. 355 p.
- Bachtin M. 1970. *L'oeuvre de F. Rabelais et la culture populaire au Moyen Age et sous la Renaissance*. Paris: Gallimard. 471 p.
- Bachtin M. 1979. *L'opera di Rabelais e la cultura popolare*. Torino: Einaudi. 524 p.
- Bachtin M. 1972. *La preistoria della parola del romanzo*. *Nuovi argomenti*, 29-30: 160-186.
- Erlich V. 1966. *Il formalismo russo* Milano: Bompiani. 329 p.
- Ferrario E. 1977. *Teorie della letteratura in Russia 1900-1934*. Roma: Editori Riuniti. 444 p.
- Ivanov V. 1973. *Significato delle idee di M. Bachtin sul segno. Tatto di parola e il dialogo per la semiotica contemporanea*. in Bachtin M. et al. *Semiotica, teoria della letteratura e marxismo*. Bari: Dedalo, 1977. pp. 67-104.
- Leontjev A., Lurija A. 1973. *Le concezioni psicologiche di L. S. Vygotskij*. in Vygotskij L. S. *Lo sviluppo psichico del bambino*. Roma: Editori Riuniti. pp. 9-58.
- Lurija A. 1974. *Neuropsicologia e neurolinguistica*. Roma: Editori Riuniti. 241 p.
- Marcellesi J.-B. et al. 1978. *Linguaggio e classi sociali. Marrismo e stalinismo*. Bari: Dedalo. 304 p.
- Matejka L. 1977. *Primi prolegomeni russi alla semiotica*. in Bachtin M. *Semiotica, teoria della letteratura e marxismo*. Bari: Dedalo. pp. 139-160.
- Mecacci L. 1976. *La psicologia sovietica 1917-1936*. Roma: Editori Riuniti. 354 p.
- Medvedev P. 1978. *Il metodo formale nella scienza della letteratura*. introd. Bari: Dedalo. 378 p.
- Ponzio A. 1977. *Linguaggio, inconscio e ideologia*. in V. N. Volosinov, *Freudismo*. Bari: Dedalo. pp. 7-22.
- Ponzio A. 1977. *Semiotica e studio delle ideologie in M. Bachtin et al. Michail Bachtin. Semiotica, teoria della letteratura e marxismo*, Bari: Dedalo. pp. 7-66.
- Ponzio A. 1978. *Semiotica marxista, teoria dell'individuo umano e dell'ideologia negli anni venti in URSS*. in A. Ponzio, *Marxismo, scienza e problema dell'uomo*. Verona: Bertani. pp. 59-114.
- Ponzio A. 1978. *La materia linguistico-ideologica dell'inconscio*. *Psicanalisi e classi sociali*. Roma: Editori Riuniti. pp. 70-83.
- Ponzio A. 1978. *Introduzione in Marcellesi J.-B. Linguaggio e classi sociali. Marrismo e stalinismo*. Bari: Dedalo. pp. 5-77.

- Ponzio A. 1978. Coscienza linguistica e generi letterari in M. Bachtin. introd. in Medvedev P. N. Il metodo formale nella scienza della letteratura. Bari: Dedalo. pp. 5-52.
- Stalin I. 1938. Materialismo dialettico e materialismo storico. trad. it. in Stalin I. Opere Scelte. Milano: Ediz. Movimento Studentesco, pp. 919-942.
- Stalin I. 1968. Il marxismo e la linguistica. Milano: Feltrinelli. 103 p.
- Volosinov V. N. 1976. Marxismo e filosofia del linguaggio. Bari: Dedalo. 285 p.
- Volosinov V. N. 1977. Freudismo. Bari: Dedalo. 207 p.
- Vygotskij L. S. 1966. Pensiero e linguaggio. Giunti Barbera, Firenze. 253 p.
- Vygotskij L. S. 1972. La tragedia di Amleto. Roma: Ed. Riuniti. 256 p.
- Vygotskij L. S. 1972. Psicologia dell'arte. Roma: Editori Riuniti. 387 p.
- Vygotskij L.S. 1974. Storia dello sviluppo delle funzioni psichiche superiori e altri scritti. Firenze: Giunti-Barbera. 337 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022
Поступила после рецензирования 30.07.2022
Принята к публикации 30.07.2022

Received June 18, 2022
Revised July 30, 2022
Accepted July 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аугусто Понцио, Почетный профессор философии, Почетный профессор философии и теории языков, Университет Бари, Бари, Италия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Augusto Ponzio, Professor Emeritus in Philosophy and Theory of Languages, University of Bari, Bari, Italy